

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА / POLITICAL CULTURE

Серия «Политология. Религиоведение»

2016. Т. 15. С. 23–32

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 78.071(47)(092)Шаляпин

Ф. И. Шаляпин о русской революции и советской повседневности

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье о Ф. И. Шаляпине как деятеле культуры, историке и мыслителе рассматриваются: происхождение его мемуаров, отношение к революции в России и советской действительности, оценка духовной основы революции, соотношение взглядов на русскую революцию Ф. И. Шаляпина и Н. А. Бердяева.

Ключевые слова: Ф. И. Шаляпин, культура и политика, революция в России, советская действительность, опера и история, православие и язычество, Н. А. Бердяев.

О происхождении мемуаров Ф. И. Шаляпина

Федор Иванович Шаляпин (1873–1938) был выдающимся мастером сцены. Он учился опере, изучал историю, литературу, брал уроки у живописцев В. А. Серова, И. И. Левитана, братьев А. М. и В. М. Васнецовых, К. А. Коровина, В. Д. Поленова, М. В. Нестерова, М. А. Врубеля, мечтал о торжестве на сцене русских композиторов и прежде всего Мусоргского [5; 6; 16; 18–20; 23, с. 58, 68, 78].

Жизнь Шаляпина как деятеля русской культуры расширила горизонты отечественной и всемирной истории и культуры [8–16; 21; 22; 25].

Незаурядность его личности раскрылась и в новом для оперного певца деле – историка отечества, которое он реализовал в процессе создания мемуаров [23, с. 9, 10].

Читатели, знакомясь с воспоминаниями Шаляпина, его видением истории отечества, отношением к революции и советской власти, как сюжетом в жизни оперного певца побочным, интересовались мало, если интересовались вообще. Мимо историко-революционного и бытового аспектов его жизни как специальной темы прошли не только любители оперной сцены и рядовые читатели его мемуаров, но и профессиональные историки. Обратим внимание на эту сторону творческого наследия великого артиста.

Свои книги «Страницы из моей жизни» (1917) и «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» (1932) Шаляпин написал в разное время. Идея создания воспоминаний совместно с Горьким возникла еще в 1910 г., о чем 18 марта 1910 г. Шаляпин сообщал в письме жене Иоле Торнаги из Монте-Карло [24, с. 8].

Через шесть лет к этой идее он вернулся вновь. 19 апреля 1916 г. Шаляпин писал жене из Петрограда: «Максим Горький предложил мне встретиться, чтобы я написал с ним вместе, т. е. под его редакцией, мои воспоминания...» [25].

Вскоре в письме «милрой Иолине» от 29 июня 1916 г. из Фороса Шаляпин сообщал: «Работа моя идет... успешно...» [25]. Шаляпин, согласно его собственным словам, в этой работе представил читателю «полный очерк... детства», свою внешнюю и неполную биографию и «бегло осветил» «художественное развитие» [23, с. 11]).

Спустя годы он задумал написать новую книгу: «дать аналитическую биографию... души», своего искусства и реализовал свой замысел [23, с. 11]. Книги получились разные. Изменились «предмет исследования» и его направление: теперь Шаляпин шел от фактов жизни («внешняя биография») – к ее смыслу («биография души»).

Вторая написанная книга отличалась от первой – «наговоренной» и отредактированной Горьким. Она получилась более глубокой, цельной, авторской. Певец писал о судьбе театра, о России, пытался осмыслить, объяснить свой судьбоносный в контексте тех лет поступок – отъезд из России во Францию.

Ф. И. Шаляпин о предпосылках своего творчества

Шаляпин подходил к своим ролям, а в дальнейшем и к литературному творчеству, предельно серьезно. «Ключ к постижению характера изображаемого лица, – писал он, – дает мне внимательное изучение роли и источников» [23, с. 99].

Собственная жизнь, которая также слагалась в историю, формировала особые отношения между событиями прошлого, действующим лицом и автором книги. Герой здесь был один во всех лицах: действующим лицом и исполнителем, а позже и автором текста о себе. Иной была и цель познания. Не для уяснения роли, которую предстояло сыграть на сцене, он вспоминал прошлое, а для оценки, объяснения, а может быть, и оправдания своего уже пройденного жизненного пути. «Надо иметь талант не только для того, чтобы играть на сцене, – писал он, – талант необходим для того, чтобы жить» [23, с. 219]. В жизни поступки, говоря современным языком, публичного человека, каким был Шаляпин, порой не укладывались в прокрустово ложе «да или нет», «хорошо или плохо», требовали специального пояснения, воспоминаний.

Одним из таких поступков был отъезд Шаляпина в 1922 г. из России за границу.

Революционность Ф. И. Шаляпина: идеал и логика жизни в искусстве

Отношение Федора Ивановича Шаляпина к революции, а затем и к советской власти с течением времени изменялось. Он сочувствовал революции, но никогда, тем более профессионально, революционной деятельностью не занимался. В первой книге «Страницы из моей жизни» Шаляпин определил свой символ веры: «Пение – это не безделица для меня и не забава, это **священное дело моей жизни**» (выделено мной. – А. М.) [24, с. 327]. Спустя годы, во второй книге, он вновь высказал свое амплуа и подчеркнуто дистанцировался от политики: «Если я в жизни был чем-нибудь, так только актером и

певцом... Менее всего... я был политиком. От политики меня отталкивала вся моя натура...» [23, с. 175, 176].

Позиционируя себя как актера и певца, Шаляпин очерчивал свой жизненный ареал и ментальность человека, который всем своим существом, прошедшей и настоящей жизнью принадлежит к миру искусства. Под воздействием мира искусства, нравственных коллизий формировалось и его отношение к революции.

«Многим, наверное, покажется неожиданным мое признание, что в течение почти двух десятков лет я сочувствовал социалистическому движению в России и едва ли не считал себя самого заправским социалистом», – вспоминал Шаляпин [23, с. 177]. Актер, по его собственным словам, с детства видел «горестную, грубую, жестокую и пьяную жизнь» [23, с. 179]. С возрастом, после уроков Д. А. Усатова, когда он приехал устраиваться на работу в Москву, а затем в Петербург (1895) и познакомился с писателями, артистами, художниками, Шаляпин услышал о том, что жизнь народа можно устроить по-иному, более справедливо. Встречаясь с друзьями в приватной атмосфере, на дружеских пирушках, он заметил, что «все они относились критически к правителям и к царю». Их разговоры на эту тему показались ему убедительными, и он заинтересовался идеей освобождения России [23, с. 181]. Актер, чуткий к несправедливости, фальши, поверил в то, « что... революция сметет несправедливый строй и на его место поставит новый на счастье русскому народу» [23, с. 182].

Мастер сцены сочувствовал идее революции, простому люду, но его практическая деятельность, если так можно выразиться, для народа вообще, в том числе и на благо революции, за рамки сочувствия практически не выходила. В революционные дни он исполнял на концертах «Дубинушку», о чем позднее вспоминал в мемуарах. Этот факт подтверждал и его друг художник К. А. Коровин [7, с. 93].

В годы Первой мировой войны певец помогал раненым солдатам – содержал на свои средства два госпиталя на 80 человек для «нижних чинов» – в Москве (во флигеле дома на Новинском бульваре) и в Петрограде [23, с. 212]. (В мемуарах «Страницы из моей жизни» он называл меньшую цифру – 70 человек) [24, с. 407].

К. Коровин подтверждал факт существования госпиталя в Москве [7, с. 142–143]. Помощь Шаляпина участникам сражений была вызвана его патриотическим чувством. К делу революции она отношения не имела.

Как человек видный, имеющий широкий круг общения, друг Горького Шаляпин интересовал полицию, о чем сам упоминал в мемуарах. В книге, написанной за рубежом в 1932 г., когда он мог говорить вполне откровенно, Шаляпин специально подчеркнул, что революционной пропагандой не занимался и подозрения полиции в отношении него на сей счет были лишены оснований.

В дни Февральской революции 1917 г. он искренно радовался происходящим событиям: «Вот наступило время, когда мои боги... придут к власти, устроят жизнь хорошо – хорошо для всех» [23, с. 221]. Шаляпин, как, к слову

сказать, и Лемешев, в тот момент и внешне отразил свое позитивное отношение к революции – прицепил на одежду красную ленту.

Ф. И. Шаляпин: пролетарское происхождение и «буржуазный» быт

В своих ранних записках «Страницы из моей жизни» (1917) Шаляпин смотрел на революцию с надеждой. Его развернутые оценки действительности в то время еще не выкристаллизовались. «Могу ли я критически относиться к жизни, какой я видел ее в годы революции? – Писал он в своей первой книге. – Конечно, нет. Не мое это дело – судить о том, кто был прав, а кто неправ» [24, с. 423]. Позже, в мемуарах «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» (1932), отношение певца к революции, новой власти определилось.

В 1922 г., в момент отъезда из России, Шаляпину было 49 лет. Еще до революции он стал успешным, состоятельным человеком и внешне производил впечатление барина. Недаром именно барином его увидел и запечатлел в 1921 г. на полотне художник Б. М. Кустодиев; барином Шаляпина изобразил и его друг – художник К. А. Коровин. И по стилю жизни певец принадлежал к элите, правда, с одной существенной особенностью, которая роднила его с рядовым артистом, – Шаляпин зарабатывал на жизнь собственным трудом. Эта двойственность положения и соответствующая ему проблема самоидентификации – пролетарий или буржуй (а революция поставила этот вопрос ребром) – заставила его задуматься о своем месте в наступившие времена, о своей жизненной позиции: строить «новый мир» вместе с «пролетариатом» или «жить по-старому» и в «старом мире»?

В преддверии Октябрьской революции, по пути на службу в театр, проходя мимо дворца М. Ф. Кшесинской, у которого выступали революционные ораторы, Шаляпин не раз слышал пожелания «уничтожить гадов», которые жили в дворцах. «Слушал я эти речи с некоторым смущением и даже опаской, – вспоминал Шаляпин, – так как одет... был в костюм, сшитый лучшим портным Лондона, и невольно чувствовал, что принадлежу, если не душою, то костюмом к этим именно кровопийцам... И я осторожно улетучивался» [23, с. 230]. «Артистическая среда по всему строю своих чувств, навыков и вкусов, – заключал он, – принадлежала, конечно, к тому “старому миру”, который надлежало уничтожить» [23, с. 278]. Заметим, что и сам актер не просто принадлежал к упомянутой им «артистической среде» – он был едва ли не самым ярким ее представителем и, конечно, понимал это, хотя прямо в мемуарах указанное обстоятельство не подчеркивал.

Ф. И. Шаляпин о советской повседневности

Революция разрушила старую социальную стратификацию. Привычное общество перестало существовать. Она изменила театр, поломала быт, разорвала привычные связи, поставила Шаляпина и его семью на грань выживания.

Театры стали государственными. Шаляпина избрали руководителем художественного совета Мариинского театра, но затем вынудили театр покинуть. Артист вынужден был перейти в Народный дом, в частную антрепризу. После Октябрьской революции, весной 1918 г., его вновь пригласили в Мариинский театр.

Атмосфера в театре и в жизни переменилась. «Богатая, интеллигентная театральная публика» прежних лет исчезла. Ей на смену пришли «рабочие и крестьяне», которые теперь заполняли зал «по наряду». «Материальная жизнь, – по словам Шаляпина, – становилась все беднее и тяжелее... В городах... показался призрак голода» [23, с. 240]. Артисты труппы Мариинского театра старались перебраться «в города на юге, где хлеба было больше». Театр «остался почти без труппы» [23, с. 242]. В дом к певцу (в Петербурге и в Москве) стали приходиться с обысками. У него отобрали запасы вина, коллекцию оружия, серебро, сняли со счета 200 тыс. рублей, другие вклады, забрали автомобиль, отняли дом. Постоянно приходили повестки о необходимости сдать в казну 5 млн рублей. Таких денег у него не было [23, с. 257, 267].

Театр оказался «облепленным всякого рода “деятелями революции” как мухами». Эти «мухи» повадились посещать актера на дому. «Я иногда спрашиваю себя с удивлением, – вспоминал Шаляпин, – как это могло случиться, что в моей столовой, в которой сживали Римские-Корсаковы, Серовы, Стасовы, Горькие, Рахманиновы, Репины, Дальские, – как в ней могли очутиться все эти Куклины и Рахия, о которых мне теперь омерзительно вспоминать...» [23, с. 279]. Разговоры велись за спиртным. Рахия как-то раз заявил Шаляпину, что «таких людей как я (Шаляпин. – А. М.) надо резать». Шаляпин любобпытствовал: «Почему»? «Ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ над людьми. Талант нарушает равенство», – ответил Рахия. А Куклин добавил, что никто, кроме пролетариата, не должен существовать [23, с. 280]. Встреча закончилась скандалом. Подобные настроения царили и в театре. Шаляпин был вынужден обращаться с просьбами по делам театра и собственным к Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Луначарскому и др. Ему временно удавалось уладить тот или иной конфликт. Но изменить атмосферу тех лет, обезопасить, защитить себя и свою семью от произвола чиновников, порой и от голода, он не мог.

Ф. И. Шаляпин о духовной подоплеке русской революции и Н. А. Бердяев

Выдающийся мастер оперной сцены переживал события революции, находясь в стороне. Ему пришлось оценить реальную жизнь в новых обстоятельствах с точки зрения обыденной, земной, простого человека, которому нужно было зарабатывать на жизнь, содержать семью, детей. В годы революции он, по воле революционной необходимости, вынужден был в быту отказаться от многого, порой самого необходимого, опуститься на уровень, близкий к социальному дну. Его взгляд на события, движущие силы и перспективы революции в этих условиях формировался, прежде всего, под влиянием объективной, далекой от идеала реальности.

Однако на революцию он смотрел не только с точки зрения обыденного сознания, не так, как мог бы рассуждать человек, которому плохо жилось при «советах», а сверху – с позиций знаний специфики русской истории и культуры, полученных в профессии. Он судил большевизм как мыслитель, философ русской истории.

Актер и певец не мог точно сказать, когда началась его эволюция в сторону неприятия революции, на каком этапе развития освободительного движения у него появились первые сомнения в ее позитивном характере. Для него все революционные события: 1905–1907 гг., Февральской революции, Октябрьской революции 1917 г. сливались в единое целое [23, с. 186].

Уже в дни Февральской революции он увидел, что «в делах правительства... и в поведении населения очень мало порядка». На Невском проспекте, по его словам, «безумно бушевала... анархическая стихия» [23, с. 221].

Шаляпин вошел в состав комиссии по делам искусств, встречался с Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенским. «Эти мои хождения по властям, – вспоминал Шаляпин, – сильно меня просветили насчет положения дел и встревожили» [23, с. 223]. Он, по собственному определению, столкнулся с политическим фанатизмом.

Актеру довелось присутствовать на прощальном обеде, устроенном в честь адвоката, одного из лидеров кадетов, депутата 2–4-й Государственной думы В. А. Маклакова (1869–1957) и М. А. Стаховича, назначенных Временным правительством послами соответственно в Париж и в Мадрид. Он высказал мнение, что «революция обновит, укрепит и вознесет нашу родину». На это Маклаков, которого Шаляпин называл своим другом, заметил: «Не будет ни одного человека, совершенно ни одного, кто бы избегнул в будущем страданий». Эти слова Маклакова он запомнил навсегда и с того момента постоянно размышлял над вопросом: «Зачем же нужна была революция?»

Спустя годы Шаляпин в этом вопросе определился.

Он не считал российских революционеров бандитами, кровопийцами, подкупленными людьми. Мастер русской оперы справедливо полагал, «что в самой глубокой основе большевистского движения лежало... стремление к действительному переустройству жизни на более справедливых... началах» [23, с. 283]. Но почему же, по его мнению, революция явилась в таком неприглядном виде?

«В том то и дело, – справедливо заключал историк и мемуарист, – что революция никого и не о чем не спрашивает. Получив толчок, она прет, когда (и куда. – А. М.) ей вздумается» [23, с. 231, 232].

Размышления о специфике русской революции уводили его в глубины нашего быта, ментальности. «В том соединении глупости и жестокости Содомы и Навуходоносора, каким является советский режим, – писал он, – я вижу нечто подлинно российское. Во всех видах, формах и степенях – это наше родное уродство» [23, с. 283].

Каковы же, по мнению Шаляпина, были его «формы»?

Он, оценивая русскую революцию, подчеркивал, что разумная умеренность не сродни характеру русского человека. Этот человек во всем, «как в покорности, так и в бунте, должен дойти до самого края» [23, с. 186]. В этой оценке русского характера певец Шаляпин совпадал с философом Н. А. Бердяевым.

«Старый мир», по словам Шаляпина, нужно было немедленно «выместить», чтобы от него не осталось «ни корня, ни пылинки», и двигаться вперед

«семимильными шагами», созидавая не «обыкновенное человеческое здание», а Вавилонскую башню «до небес» [23, с. 283, 284].

Н. А. Бердяев, размышляя в своей «философии истории» над «загадкой России», «ее идеей», в 1918 г. в книге «Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности» писал: «В России нет дара созидания средней культуры». В этом заключается «тайна русского духа», устремленного к «последнему, окончательному», абсолютному. А в жизни царит относительное, среднее [3, с. 48].

В другой своей книге, «Русская идея» (1943), Н. А. Бердяев, анализируя отечественную поэзию XIX в., подчеркивал присущее ей ощущение надвигающейся катастрофы. Он выделял Тютчева как «одного из самых глубоких русских поэтов», который в своих стихах предвидел мировую революцию. «За внешним покровом космоса» он, по слова Бердяева, видел «шевелиющийся хаос» [2, с. 117, 118].

Шаяпин оказался в условиях «шевелиющегося хаоса». Чтобы понять происходящее, он обращался к отечественной литературной традиции. Что он увидел в «хаосе» революции?

«В большевизм, – по заключению Шаяпина, – влилось целиком все жуткое российское мещанство с его нестерпимой узостью и тупой самоуверенностью. И не только мещанство, а вообще весь русский быт со всем, что в нем накопилось отрицательного» [23, с. 285]. Пришли чеховский унтер Пришибеев, Федька-каторжник Достоевского, явились все персонажи обличительной литературы от Фонвизина до Зощенко [23, с. 285]. «Пришел, расселся и щелкает на чертовых счетах сухими костяшками – великий бухгалтер!.. Попробуйте убедить в чем-нибудь бухгалтера!.. Веласкес, Тициан, Рембрандт, Моцарт пролетариату не нужны, какой в них прок? Какая польза пролетариату от Пушкина и Мусоргского?» [23, с. 288].

Федор Иванович, ссылаясь на поэму Александра Блока «Двенадцать» (1918), подчеркнул, что «в большевистской процессии... Христа... не разглядел». Певец и актер услышал в этой поэме две разные музыкальные темы: «сухую, механическую поступь революционной жандармерии» и «лихую, озорную русскую метель-завируху» – Яшку Изумрудова. «Мне кажется, – размышлял Шаяпин в 1932 г., – что в российской жизни под большевиками этот второй, природный элемент чувствовался с гораздо большей силой, чем первый командный и наносной элемент. Большевистская практика оказалась еще страшнее большевистских теорий» [23, с. 285].

Шаяпин, как в свое время и Н. В. Гоголь, видел глубину проблемы, глубину зла в революции, и в этом он был прав, хотя темной ипостасью, конечно, как показал, в частности, его современник Н. А. Бердяев, русская революция не исчерпывалась.

Н. А. Бердяев писал о полюсах «русской души». В ней он выделял не только «дионисизм», но и христианское начало. В книге «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) Бердяев справедливо заключал: «Душа русского народа была сформирована православной церковью... И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммуни-

стов». «Но, – подчеркивал он, – отчасти подтверждая и позицию Шаляпина, – в душе русского народа остался сильный природный элемент... У русских “природа”, стихийная сила, сильнее, чем у западных людей...» [1, с. 8].

Философ шел к открытию, характеристике специфики «русского духа» – ментальности от «субъективной» философии истории, певец – к философии истории, ментальности – от художественного образа; историческими источниками им служили русская литература и история. В точке философии истории, в оценке русского характера они совпали.

Революция как движение вниз

Шаляпин не мог испытать, ощутить той положительной динамики движения человека из низов вверх, которая нередко сопровождала деятелей, в том числе культуры, в годы революции, к примеру, таких людей его круга, но иного поколения, более молодых, как Л. А. Русланова (р. 1900), С. Я. Лемешев (р. 1902). Он сложился до революционных потрясений, благодаря таланту; уже к 1917 г. был Шаляпиным (р. 1873). И от революции только терял: друзей, проницательную публику, привычные «буржуазные» условия быта, свободу передвижения, в определенной степени и свободу творчества. Талант, известность в эти годы не могли защитить от бесконечного произвола мелких чиновников, унижений.

Замкнутый в этом пространстве, он не видел горизонта, выхода, не видел своего места в новом строительстве. Все «медали», по мнению Шаляпина, обернулись в русской действительности своей обратной стороной. «”Свобода” превратилась в тиранию, «братство» – в гражданскую войну. «Равенство» привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота, а “любовь к будущему человечеству” вылилась в ненависть и пытку для современников» [23, с. 284]. «Я стал чувствовать, – подчеркивал факт своего внутреннего движения по пути неприятия революции и советской власти Шаляпин, – что робот меня задушит, если я не вырвусь из его бездушных объятий» [23, с. 289].

Отъезд певца за рубеж был вынужденным. Выбирать ему пришлось из двух зол – потерять себя или потерять родину. В названии последнего параграфа «Части второй» книги «Маска и душа. Мои сорок лет на театрах» (1932) он определил свое отношение к новому месту жительства – «На чужбине».

Оказавшись за границей, Шаляпин ушел от проблем первых лет революции: ломки привычного уклада, анархии, безденежья и от возможных проблем в будущем, на свободу, но одновременно выпал из непосредственного контекста русского бытия: природы, культуры, духовности, строительства «новой жизни». И эта потеря оказалась для него невозможной.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 320 с.

3. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев // Русская идея. – М. : Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2005. – 832 с.
4. Зыкина Л. Песня – признание в любви / Л. Зыкина. – М. : Зебра Е : АСТ, 2010. – 288 с.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 4 кн. Кн. 3. Т. 10 / Н. М. Карамзин. – Репринт. воспроизведение изд. 5-го, выпущенного в 3 кн. с приложением «Ключа» П. М. Строева. – М. : Книга, 1989. – 166 с.
6. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3 / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1988. – 414 с.
7. Коровин К. А. Шалапин. Встречи и совместная жизнь / К. А. Коровин. – СПб. : Лениздат : Команда А, 2013. – 192 с.
8. Кузнецова И. Мастерство перевоплощения / И. Кузнецова // С. Я. Лемешев: Из биографических записок. Статьи. Беседы. Письма. Воспоминания о С.Я. Лемешеве: сб. / под ред. Е. А. Грошевой. – М. : Сов. композитор, 1987. – С. 265 – 274.
9. Лемешев С. Я. Вам, молодые певцы! / С. Я. Лемешев // С. Я. Лемешев: Из биографических записок. Статьи. Беседы. Письма. Воспоминания о С.Я. Лемешеве : сборник / под ред. Е. А. Грошевой. – М. : Сов. композитор, 1987. – С. 68–91.
10. Лемешев С. Я. Путь к искусству / С. Я. Лемешев. – М. : Искусство, 1968. – 312 с.
11. Лернер Д. Святое служение музыке / Д. Лернер // С. Я. Лемешев: Из биографических записок. Статьи. Беседы. Письма. Воспоминания о С.Я. Лемешеве: сб. / под ред. Е. А. Грошевой. – М. : Сов. Композитор, 1987. – С. 291 – 297.
12. Лещенко В. Скажите, почему?! / В. Лещенко. – Н. Новгород : Деком, 2009. – 280 с.
13. Магомаев М. Живут во мне воспоминания / М. Магомаев. – М. : ПРОЗАиК, 2010. – 416 с.
14. Макаров А. Александр Вертинский. Портрет на фоне времени / А. Макаров. – М. : Астрель, 2008. – 413 с.
15. Прудкин М. «Мы были молоды тогда...» / М. Прудкин // С. Я. Лемешев: Из биографических записок. Статьи. Беседы. Письма. Воспоминания о С.Я. Лемешеве: сб. / под ред. Е. А. Грошевой. – М. : Сов. композитор, 1987. – С. 258 – 262.
16. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 5 / А. С. Пушкин. – Л. : Наука, 1978. – 527 с.
17. Сац Н. Незабываемые встречи / Н. Сац // С. Я. Лемешев: Из биографических записок. Статьи. Беседы. Письма. Воспоминания о С.Я. Лемешеве : сборник / под ред. Е. А. Грошевой. – М. : Сов. Композитор, 1987. – С. 327–340.
18. Скрынников Р. Г. Борис Годунов / Р. Г. Скрынников. – М. : АСТ, 2002. – 416 с.
19. Скрынников Р. Г. Царь Борис и Дмитрий Самозванец / Р. Г. Скрынников. – Смоленск : Русич, 1997. – 624 с.
20. Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 4. Т. 7–8. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – М. : Мысль, 1989. – 751 с.
21. Стронгин В. Тюрма и воля Лидии Руслановой / В. Стронгин. – М. : АСТ : Зебра Е, 2009. – 352 с.
22. Утесов Л. Спасибо, сердце! / Л. Утесов. – М. : Вагриус, 1999. – 368 с.
23. Шалапин Ф. И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах / Ф. И. Шалапин. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 352 с.
24. Шалапин Ф. И. Страницы из моей жизни. Я был отчаянно провинциален / Ф. И. Шалапин. – М. : АСТ, 2015. – 480 с.

25. Шаляпин Федор Иванович : собр. соч. [Электронный ресурс] // Lib.ru : сайт. – URL: http://az.lib.ru/s/shaljapin_f_i/ (дата обращения: 04.11.2015).

F. I. Chaliapin about Russian Revolution and Soviet Reality

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article devoted to F. I. Chaliapin as a cultural figure, historian, and theorist considers the origin of his memoirs, his attitude towards revolution in Russia and Soviet reality, assessment of spiritual foundation of the revolution, as well as comparing F. I. Chaliapin's and N. A. Berdyaev's views on Russian revolution.

Keywords: F. I. Chaliapin, culture and politics, revolution in Russia, Soviet reality, opera and history, Orthodoxy and paganism, N. A. Berdyaev.

Маджаров Александр Станиславович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России, исторический
факультет
Иркутский государственный университет
664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)243875
e-mail: massa49@yandex.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of History of Russia, Faculty
of History
Irkutsk State University
1, K. Marx st.,1, Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)243875
e-mail: massa49@yandex.ru